



Совместный проект «Мировой энергетики»,
Всемирного фонда дикой природы и Центра экологических инвестиций



ВАЛЕНТИН ЖОХОВ

Работа над ошибками

В предыдущем номере специалисты известной международной юридической фирмы Baker&Mackenzie Сергей Ситников и Макс Гутброд обстоятельно рассказали о том, какой порядок проектов совместного осуществления определен долгожданным постановлением № 332 российского правительства от 28 мая 2007 г. Сегодня этот важнейший документ комментирует Михаил ЮЛКИН, директор Центра экологических инвестиций.

В ОДНО ОКНО

Принятый Правительством РФ документ («Положение об утверждении и проверке хода реализации проектов, осуществляемых в соответствии со статьей 6 Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата»), вне всякого сомнения, является прорывом в деле реализации Киотского протокола и использования киотских механизмов гибкости для финансирования инвестиционных проектов в России. «Положение» задает четкие правила игры на российском рынке углеродных проектов и формирует необходимую организационно-правовую базу с внятным распределением полномочий и ответственности между государственными органами, участвующими в этом процессе.

К достоинствам документа следует отнести последовательно реализованный в нем принцип одного окна (все бумаги подаются на рассмотрение в МЭРТ) и удачно найденный компромисс двух разных подходов — уведомительного и разрешительного, что приближает его к международным стандартам. В самом деле, согласно принятому в постановлении

порядку проект совместного осуществления утверждается в том случае, если: а) он получил положительное заключение уполномоченной экспертной организации (по сути, международного аудитора) и б) если у заинтересованных сторон, в том числе у уполномоченных федеральных ведомств, нет обоснованных возражений. И это, согласитесь, куда как лучше, чем если бы для утверждения проекта требовалось получить положительные отзывы от дюжины «заинтересованных» федеральных органов.

ОПЕЧАТКА ВКРАЛАСЬ

Не умаляя достоинств документа, за который, по моему мнению, его разработчик памятник при жизни воздвигнуть мало, хотел бы остановиться на некоторых курьезах (опечатках), которые досадным образом вкрались в документ и нуждаются, на мой взгляд, в исправлении на последующих этапах разработки нормативной базы ПСО в России. Начнем по порядку.

В пункте 2 Положения среди целевых показателей эффективности проекта есть такой: «защищенность российских организаций от поставок морально уста-

ревших и материалоемких, энергоемких и наукоемких технологий, оборудования, конструкций и материалов».

Поставить заслон для морально устаревших, материалоемких и энергоемких технологий, оборудования, конструкций и материалов, может быть, и надо. Хотя не совсем понятно, кто и как будет это определять. Но наукоемкие-то технологии почему сюда попали? Казалось бы, наоборот, им-то как раз должен быть дан зеленый свет. Похоже, что разработчики не досмотрели и просто пропустили частицу «не».

Подпункт г) пункта 4 требует указывать в проектной документации «характеристики проекта, позволяющие однозначно соотносить источник с сектором (категорией) источника или идентифицировать поглотитель, выбранные для реализации проекта, включая адрес местонахождения источника».

Увы, это далеко не всегда возможно сделать практически. Например, если строится (расширяется) ГЭС, то редко когда удастся точно установить, на какой именно ТЭЦ в результате этого произойдет уменьшение выработки электроэнергии, а

соответственно снижение расхода ископаемого топлива и сокращение выбросов парниковых газов (ПГ). Вообще для проектов, связанных с сетью, затруднительно указать источник с точностью до адреса. То есть категорию источника указать можно — сжигание ископаемого топлива для выработки энергии, а точный адрес — нет.

Похожая история с утилизацией отходов. Здесь происходит сокращение выбросов метана со свалки, поскольку отходы теперь не вывозятся на полигон, а утилизируются. Как и в предыдущем случае, категорию источника указать можно — метан со свалки. Но если в городе больше, чем одна свалка, то указать, с какой именно будет лететь меньше метана, затруднительно.

Выход может быть такой: в нормативных документах, которые разрабатывает МЭРТ во исполнение постановления Правительства РФ, принять более мягкую формулировку. Например, что адрес источника выбросов указывается по возможности.

ПОЛУЧИТЬ РАЗРЕШЕНИЕ У САМОГО СЕБЯ?

Подпункт м) пункта 3 Положения требует в обязательном порядке получать «согласие владельца объекта, на котором планируется осуществление деятельности по проекту, или иного лица, уполномоченного в соответствии с законодательством РФ, на осуществление мероприятий, предусмотренных проектом».

Но что делать, если инвестор и владелец объекта — одно и то же лицо? Например, решает предприятие перевести свои собственные энергетические котлы или технологические печи с одного вида топлива на другой, скажем, с угля на природный газ или на древесное топливо. Должен ли он в таком случае получать разрешение и у кого? Неужели у самого себя?

Или такой пример: предприятие (инвестор) строит на собственной промплощадке котельную или ТЭЦ на древесных отходах и в результате этого полностью или частично отказывается от энергии, которую он сегодня получает со стороны. Ясно, что в этом случае сторонняя ТЭЦ будет вырабатывать меньше энергии, а значит, расходовать меньше ископаемого топлива и меньше выбрасывать в атмосферу парниковых газов. Вопрос: должен ли инвестор получить согласие этой внешней ТЭЦ на осуществление своего проекта? С точки зрения здравого смысла, очевидно, не должен. А по закону? Пока вопрос остается открытым.

ОТКУДА СЧИТАТЬ БУДЕМ?

Подпункт д) пункта 4 Положения требует указать «исходные условия для реализации проекта на весь период его реализации». Но что такое период реализации проекта? В РФ этот период традиционно понимается

как срок от начала финансирования до пуска оборудования в эксплуатацию. Но нужно-то не это. Нужен срок жизни проекта, т.е. время от начала строительства до полной амортизации оборудования. На худой конец до капремонта. То же и в подпункте е) пункта 4, который требует предоставить информацию о «планируемой величине сокращения выбросов парниковых газов из источника и (или) увеличения их абсорбции поглотителем в результате реализации проекта за весь период его выполнения». Во избежание разночтений в документах МЭРТ следует привести пример расчета периода реализации (он же период выполнения) проекта.


И это еще не все недоразумения с пресловутым периодом реализации проекта. В пункте 7 Положения сказано, что «Координационным центром не принимаются заявки, содержащие проектную документацию, предусматривающую сокращение выбросов парниковых газов из источника и (или) их абсорбцию поглотителем до 1 января 2008 г. или после 31 декабря 2012 г.».

Но позвольте, по международным нормам проектами совместного осуществления могут признаваться проекты, реализованные не ранее 1 января 2000 г., а никак не 1 января 2008 г. Данное положение закреплено в решении высшего органа Киотского протокола — Совещания Сторон, и невозможно, чтобы разработчики правительственного документа этого не знали. Вероятно, они имели в виду нечто иное. Например, что к рассмотрению не принимаются заявки, предусматривающие эмиссию в российском углеродном реестре и передачу иностранному инвестору единиц сокращения выбросов ПГ по результатам реализации проекта, достигнутым до 1 января 2008 г. или после 31 декабря 2012 г. При этом сам проект может, разумеется, приводить к сокращению выбросов ПГ и до 1 января 2008 г., и после 31 декабря 2012 г. Ведь срок жизни

проекта может быть и 10, и 20 лет. И если какой-то проект начался в 2000 г., то он будет генерировать сокращения выбросов с 2001-го, а то и с 2000 г. по 2015-й, а то и по 2020 г. Другое дело, что для целей Киотского протокола из этого проекта могут быть зачтены только те сокращения выбросов, которые приходится на период с 1 января 2008 г. по 31 декабря 2012 г. Ну, так ровно это и надо написать.

ПОТОЛОЧНАЯ ЦИФРА

Наконец, последнее. Положение предусматривает установление лимита величины сокращения выбросов ПГ, т.е. предельного объема сокращений выбросов из секторов (категорий) источников и (или) увеличения их абсорбции поглотителями, которые могут быть достигнуты за счет реализации ПСО и переданы другим Сторонам. К сожалению, ни принцип установления этого лимита, ни орган, ответственный за его установление, в документе не указаны. Сказано только (см. пункт 15 Положения), что в случае отсутствия заявок по одному или нескольким секторам (категориям) источников и (или) поглотителям соответствующие лимиты могут быть перераспределены по другим секторам (категориям) источников и (или) поглотителям, но не чаще одного раза в квартал.

В публичных выступлениях чиновников в качестве предполагаемого лимита звучала цифра 300 млн т CO₂-экв. за весь период с 2008 по 2012 г. Однако выяснить, почему именно столько и откуда взялась эта цифра, так и не удалось. Напомним, что ожидаемый профицит углеродного бюджета России (т.е. превышение установленной в Киотском протоколе квоты на выбросы ПГ на период 2008–2012 гг. над фактическими выбросами) оценивается как минимум в 3 млрд т CO₂-экв. Остается надеяться, что этот вопрос, как и другие, будет прояснен в последующих документах. 



АЛЕКСАНДР СУБОТА (ФРГ)